№ 12

СМЕХАЧ

ИЮЛЬ 1924 Ленинград, Просп. Володарского, 53а. Тел. 1-68-80 Цена 25 коп.

РАЗНИЦА

Рис. А. Радакова

Красный Профинтерн — желтому: Ты представитель трудящихся масс? Почему же ты не держишь в руках молота?

Желтый—Красному: В руках! В руках! Мне, голубчик, руки для другого нужны: петицию написать, например, или министру руку пожать... Я профинтерн благовоспитанный! Я тонкое обращение понимать умею!

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Да, десять лет прошло с тех пор,
Когда народности Европы,
Войной сведенные в упор,
Пошли покорно под топор
И кровью замели окопы.
Завесой ужасов и бед,
Гнилым дыханием сражений
Укрыл горячий душный бред
Поля сомнительных побед,
И несомненных поражений.
Солдат считал свои часы,
У братских ям скулила ряса,
А коронованные псы,
Глумясь, бросали на весы
Куски дымящегося мяса.
Награда? Скоро! Подожди!
И смерть трубила в рог сурово,
И шли свинцовые дожди...
. . . .
Где были вы тогда, „вожди"
Из пресловутого „Второго"?
Вы записались в деньщики
Моргана, Ротшильда и Юза!
И как вас били в две щеки,
О, господа гробовщики
„Международного союза"!
Не вы ли брызгали слюной
В патриотическом экстазе
За генеральскою спиной
И превратили шар земной
В ослизлый ком кровавой грязи?
Не вы-ль, „вожди рабочих масс",
Своими гнусными речами
В решительный и страшный час
Предавши весь рабочий класс,
Пошли брататься с палачами?
И в разоренных областях,
Спасая гибнущие троны,
На неостынувших костях
Не вы-ль сложили алый стяг
К ногам престола и короны?
Но за последние года
Леча предательские раны,
Стальная армия труда —
И это раз и навсегда —
Расшифровала ваши планы.
И вся — с винтовкой у плеча —
Неколебимо, твердо, мерно,
Творя заветы Ильича,
При блеске алого луча
Пошла под знамя Коминтерна:

Владимир Воинов

ПЕРЕРЫВ.

(К V съезду Коминтерна.)

В кулуарах...

Поработали таки, здорово поработали. В эти жаркие дни, когда на московских улицах „тает асфальт" (так в Москве говорят), шесть часов подряд слушать доклад, потом перевод доклада, потом прения, — а прения еще гораздо более горячие, еще гораздо более пламенные прения, чем московское солнце, — запальчивые прения, страстные прения.. Хорошо итальянцу Бордиге: он к зною и к страстям привык,—но каково то холоднейшему, умереннейшему норвежцу Шефло? Бордига— тропический, Шефло—полярный...

Но вот, перерыв. В кулуарах отдыхают. А кулуары—знаете, где кулуары то эти? В тронной зале, в царской спальне, в царской гостиной. В царской гостиной расположился секретариат со стенографистками и машинистками. Тут — комсомолки всех стран. Русокудрая из Мюхнена, а та, другая, с обжигающими глазами —мексиканка... В царской столовой заседает комиссия под председательством Зиновьева. Оттуда доносится капризно пискливый, настаивающий, подчеркивающий, срывающийся на высоких нотах тенорок Бухарина. Бухарин произносит немецкие слова на нижегородский манер. Ему вторит глубокий, проникновенный французский бас. Бубнит бас: бу-бу-бу,—а что? К чему? В чем дело? Не разберешь...

Сколько с людей поту льется!

В спальне на колоссальнейшей царской кровати спали тут Александр III (с Марьей Федоровной), на грудах пуховиков и подушек, под красным балдахином с двуглавыми орлами и Георгием победоносцем, — под нелепейшим красным балдахином на нелепейших пуховиках, где ворочались некогда, охая, вздыхая, рыгая, пыхтя, соля, царственные девятипудовые, откормленные и опоенные тела, сидят на корточках скромненько, поджавши ножки,— такие худенькие, щупленькие, такие тихие, вдумчивые,—в люстриновых пиджачишках, продранных на локтях и под мышками, английский делегат Поллит и тов. Лозовский. Оба с блокнотиками и карандашиками,—молча, не глядя друг на друга, пишут тезисы.

Тут все пишут тезисы,—обливаются потом и пишут тезисы.

Заснул—и спит сладким сном, испуская тонкий, нежный храп, у подножья трона, на обитых бархатом ступеньках, уставший за день—и за долгие годы революционной работы—технический секретарь Коминтерна Пятницкий (в общежитии—просто Пятница). А на самом троне—на троне царском в сумеречной полутьме—русокудрая комсомолка мюхненская (она вся в белом и улыбается блаженно-счастливо) и комсомолец буйно-черно-кудрый, смуглый, с бархатистыми глазами,—наш, эсесесеровский, в черной косоворотке, в штанах трепанных, — сандалии на босу ногу. Обнял комсомолец комсомолку крепкой, цепкой, мускулистой, мозолистой рабочей рукой за талию. И что-то шепчет ей на ухо. Вряд ли это он ей полит-экономию или марксизм нашептывает... Она не понимает по-русски, но она все понимает - потому, что у нее тоже молодая и сильная душа...

Давайте, уйдем, мы им мешаем...

В углу у окна группа делегатов всех наций, всех рас, всех стран, — от Исландии до острова Явы включительно, — тесная группа—и хохот буйный, неудержимый. Радека не видно. Но само собою разумеется: раз хохочут, значит—Радек... Приблизимся... Ага! Так и есть. Тесным кольцом окружили Радека, а он, сверкая огромными круглыми очками, с ядовито-брезгливой, иронической улыбкой на ядовитом, ироническом лице, разглагольствует. Он обладает необыкновенной, сверхчеловеческой способностью: разговаривать одновременно на всех европейских языках. Слово по английски, два по французски, и три по-немецки, — а чтобы и нашим, от РКП делегатам, тоже было понятно, так и русское словцо ввернет.

Сумерки... Так странно: на фоне позолоты царской,—позолоты и тяжелых шелковых портьер, драпри, балдахинов, — на фоне величественности царской,—эти люди с бородками à la Ленин, и бритые,—люди с папиросками, в расстегнутых на груди косоворотках, загорелые, в круглых роговых очках, люди из масс, из народа,—много среди них рабочих, корявых и заскорузлых,— *эти люди* в тронном зале!

А. Меньшой

О КООПЕРАТИВНЫХ БУДНЯХ

Когда у людей праздник — нужно дать им возможность попраздновать. Неудобно притти в какое-нибудь тихое семейство во время именин папы или мамы и, угрюмо засевши в углу, изредка подавать такие реплики:

— Именины-то празднуете, а вот нет того, чтобы долг человеку отдать... Который месяц жду.

Или:

— Странный народ пошел... Думают, если именины — так можно любую тухлятину на стол поставить .. Эти конфетки — я с прошлого года еще помню...

Я человек деликатный. Пока кооперация праздновала „День Кооперации" — я молчал. Но теперь, когда у кооперации опять наступили будни, обычные серенькие кооперативные будни — я хочу сказать пару теплых слов.

О них, об этих самых буднях.

Большая кооперативная гастрономика в центре города... У прилавка топочется с десяток покупателей. За прилавком спиной к покупателям — продавец. Не одна пара глаз с тоской и мольбой сверлит затылок и спину продавца. Не один рот раскрыт, готовясь раньше других сказать заветное:

— Товарищ, отпустите пожалуйста...

Но продавец неумолим как рок, неподвижен, как памятник. Он мерно позвякивает ложечкой в жестяной кружке — он пьет чай.

Покупатели начинают робкую, но правильную осаду. Покашливают, постукивают рукой о прилавок, вздыхают преувеличенно громко. Наконец, смелеют и отчаянно оглянувшись кругом, — идут на абордаж:

— Послушайте... товарищ!.. Вы тут отпускаете?... Продавец молчит, продавец не слышит. Нападающие набираются мужества:

— Ведь мы же два часа стоим! Я буду жаловаться! Это черт знает, что такое! Послушайте, това...

Тут продавец неожиданно оборачивается, с шумом опрокидывая кружку и, метко выплеснув в лицо ближайшему врагу полный рот чая, принимает бой:

— Где вы живете, граждане! Что это вам при Николае кровавом что ли? Дайте же рабочему человеку спокойно выпить глоток чая! Ведь вы люди? Ну, и я тоже человек! Можете и обождать немного! Не горит тут над вами! Что? Жалуйтесь! Пож-жа-луйста! Кому угодно!

Нападающие побеждены, нападающие отступают, сдаются на милость победителя.

Через четверть часа налив и выпив новую кружку чая — продавец начинает милостиво отпускать товар: вместо фунта сыру — фунт и пять восьмых, вместо копченой колбасы вареную.

Покупатели не ропщут — побежденным роптать не приходится.

Рабочий кооператив на окраине. У входа — автомобиль грузовик и несколько подвод.

Приказчики потные и злые, с подоткнутыми фартуками, грузчики осыпанные мукой и насквозь прокеросиненные то и дело снуют из лавки в лавку.

— Гражданин, не стойте тут на дороге!

— Не болтайтесь под ногами, встаньте вон в сторонку!

— Ефим Петрович! Отгони ты их куда-нибудь — так ведь работать нельзя!

— Ах, гражданка! Сами вы смерти своей хотите! Говорил надо отойти подальше! Ступайте напротив в аптеку — там вам перевяжут. Что? Ну, матушка, — сама виновата, — не подвертывайся. Видишь — дело люди делают.

— Эй, берегись! Берегись! Ноги отдавим! Берегись!

Кучка покупателей, запуганная, измазанная мукой, маслом и керосином, избитая углами ящиков, потирая отдавленные ноги — жмется по углам:

— Сынок, спроси-ка главного-то ихнего — скоро что ль будут отпускать. У меня там грудной некормленный...

— Сейчас узнаем тетка. Обожди, вот немного отгрузятся они.

— Да ведь конца краю не видно...

— Сейчас, сейчас... Обожди. Вон еще пять бочек только осталось.

Наконец, весь товар перенесен в лавку. Продавцы вернулись, грузовик уехал, загромыхали подводы.

Покупатели повеселели, тесной толпой напирают на прилавок.

Наконец, показывается главный с пачкой накладных в руке:

— Граждане! По случаю приемки товаров, — магазин закрывается на час раньше! Надо проверить, разместить, — сами понимаете! Прошу выйти! Что? Завтра, завтра, гражданочка! Приходите завтра! Сидоров, запри дверь!

Глухая ночь. В окне кооператива горит дежурный свет и освещает трогательную картину: на мешке с мукой расположилась целая семья крыс и мирно закусывает. Другая семейка приладилась к крупе...

А с улицы, взгромоздившись на подоконник голодная кошка смотрит на мышиное пиршество и жалобно воет. Лапой скребет по стеклу и мечется, пока сонный сторож не стукнет палкой и не крикнет:

— Брысь ты, проклятая!

Кооперация растет, кооперация давит частную торговлю, кооперация улучшается. Но право она могла еще быстрей и расти, и давить, и улучшаться. Ради этого я готов был бы пожертвовать одной из своих постоянных, неисчерпанных тем:

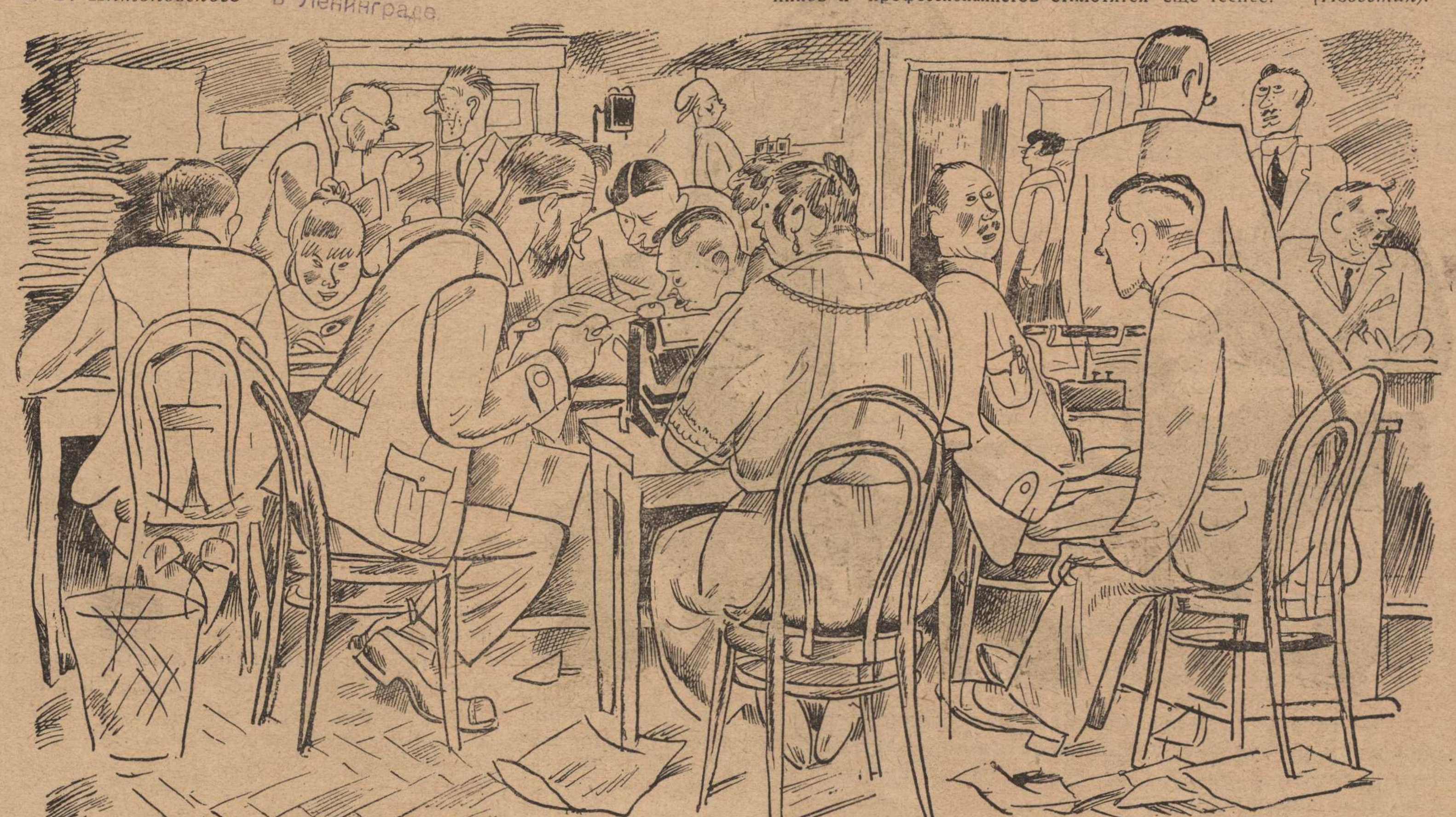
Темой о кооперации.

Вас. Лебедев-Кумач

„ИСХОДЯЩИЕ"

Рис. Б. Антоновского

Мероприятия по поднятию производительности могут быть успешно проведены в жизнь лишь в том случае, если ряды наших хозяйственников и профессионалистов сплотятся еще теснее. *(Известия).*

— Эх, напишут тоже: „сплотиться еще теснее"! Помилуйте, и так сплочены — дальше некуда!..

„ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ"

„Во едину от суббот", после всенощной, причт церкви сорока мучеников собрался у протоиерея, Петра Якокадилова.

Отец Петр, — пропахший ладаном, седенький старичек, в громадных сапогах, которые псаломщик Гугнякин, в минуту озлобления, именовал „ноевыми ковчегами", — сидел в кресле, задумчиво перебирая на груди цепочку. Напротив разместились священник Сергий Острозраков, ктитор церкви Андрей Захарович Пт. цын и регент Балабанькин. Дьякон и псаломщик сидели на подоконнике, покуривая „Смычку".

— Вот, отцы мои... — говорил протоиерей, обводя всех острыми глазками: — Предстоит, в совокупности с безрадостной действительностью, рассмотреть и решить некоторые краеугольной важности вопросы... Предчувствую заранее смуту сердец и языков недержание, от чего молю бога оградить нас здесь собравшихся... Я полагаю, начнем с финансовой стороны. Андрей Захарович, доложите нам, что и как по сей части...

— Неважно, господа, очень даже неважно, — начал ктитор, поглядывая на разложенные перед ним листки. — Доходы катастрофически упали... Свечей мы продали за весь месяц всего лишь на 23 рубля 45 копеек, просфор — на 15 рублей 50 копеек. Тарелочный сбор — 11 рублей 2 копейки, и в этом числе на полтинник — царского серебра подсунули...

— Мерзавцы! — пробасил с подоконника дьякон. — Бога — и того обманывают! Положим, царские можно в трамвае сбыть. Гм! Кесарево-кесареви...

— Не менее плачевно обстоит дело с похоронами и венчанием... — продолжал докладывать ктитор, — Впрочем, вы это сами знаете. За целый месяц только два покойника в приходе и одно венчание, всего на сумму 25 рублей.

Протоиерей вздохнул и зашевелился в кресле.

— Из коих покойников, — заметил он печально, — второй, как вам ведомо, — отпет в рассрочку, пять рублей поныне плавают... Надо-бы поторопить со взносом, Андрей Захарович...

— Говорил, что нельзя в кредит, но токмо за наличные! — послышался опять голос с подоконника. — Не кооператив, ведь, мы...

— Ты, дьякон, воздержись — обсуждение будет после...

— Итого, за месяц поступило на приход — шестьдесят четыре рубля 87 копеек. Недополучено пять рублей, в чем имеется расписка прихожанки, вдовы Чижовой. Вот, собственно говоря, и весь наш бюджет.

— На реках вавилонских, тамо седохом и плакохом! — злорадно заключил дьякон. — Не возрадуешься сей толике!

— Говорю, молчи, дьякон! — гневно взвизгнул отец Петр и забегал пальцами по цепочке. Успокоившись, он обратился ко всем.

— Финансовая сторона ясна и непривлекательна... Посещаемость храма, — чему, увы! мы были свидетели не далее, как сегодня, — падает... Что предпринять? По зрелому размышлению, я, отцы мои, ничего не нашел, кроме сокращения штатов... Как ни тяжка сия мера, но она единственна... В первую голову, можно поступиться благолепием песнопения, сиречь сократить хор...

Регент Балабанькин, привскочил на стуле, словно услыхав фальшивую ноту.

— Позвольте-с, отец Петр... Как так сократить хор?! У меня всего-то восемнадцать душ... Как же я буду исполнять концертные вещи?

Молчавший до сих пор отец Сергей Острозраков обрадовался случаю насолить регенту, который высмеивал отсутствие у него слуха, и кротко сказал:

— Восемнадцать певцов на десяток молящихся — чрезмерное роскошество... Вполне согласен с отцом Петром.

— А насчет концертных вещей, — пробасил дьякон, — Гугнякин обиходом нос вам утрет. И хора не надо!

Регент покраснел и вскочил со стула.

— Конечно, при таком полном невежестве в духовном искусстве, мне здесь делать нечего! — заговорил он, захлебываясь от обиды. — Только, в таком случае, должен вам заметить, что при бюджете в два покойника и одну свадьбу — двум священникам тоже не место... Довольно одного, а второго можно очень просто сократить!

Метнув мстительный взгляд на отца Сергия, регент прибавил:

— Я думаю, что отец Петр и прочие со мною единогласны... Тем более, две коровы имеются не у всякого... Кому — коровы, а кому — гроши ломаные?.. Как вы на это ответите?

Коровы уподобились взорвавшейся бомбе.

— Правильно! — громыхнул дьякон, а псаломщик Гугнякин закатился ехидным смешком, словно затараторил в церкви: „гос-помил-гос-пом-л-гос"...

— А кроме этих коров, кто еще, спрошу я вас, якшался с живоцерковниками? — кричал подзадоренный успехом регент! — Кто писал доносы?

Отец Сергий, уязвленный в самое больное место, тряс головой и старался перекричать регента.

— Врешь! Врешь, анафема треклятая! До коров тебе дела нет! Мои коровы, кишка ты поганая! А думаете, не знаю, кто самогоном промышляет? Вот они, самогонщики: дьякон и псаломщик! Под присягой покажу! А кто ризы с икон снял да спрятал? За это еще посидеть можете с отцом Петром!.. Сократили! Плюю я на вас и каблуком растираю!.. Вот!

С остервенением плюнув, он угодил в лицо подскочившему ктитору.

. . . .

Утром, в воскресение, колокол „сорока мучеников" вызванивал как ни в чем не бывало. Отец Сергий в церковь не пришел: сказался больным. Дьякон, надевая облачение, как будто ненароком кинул отцу Петру:

— Последний раз нынче служу. В прачешную помощником заведующего поступил, на семь червонцев. Вот-те и выкуси!

Затем он вышел на амвон, скользнул взглядом по „аравийской пустыне" и возгласил, с особым смаком:

— Бл-лаго-слови, владык-ко!..

Ив. Прутков

С ОПАСКОЙ

Московский Губпрофсовет, в борьбе с убылью квалифицированной рабочей силы, остановился на мысли допустить к бесплатному обучению на предприятиях сыновей и родственников рабочих. *В настоящее время кустари боятся профсоюза, обвинений в эксплоатации а поэтому не берут подростков.*

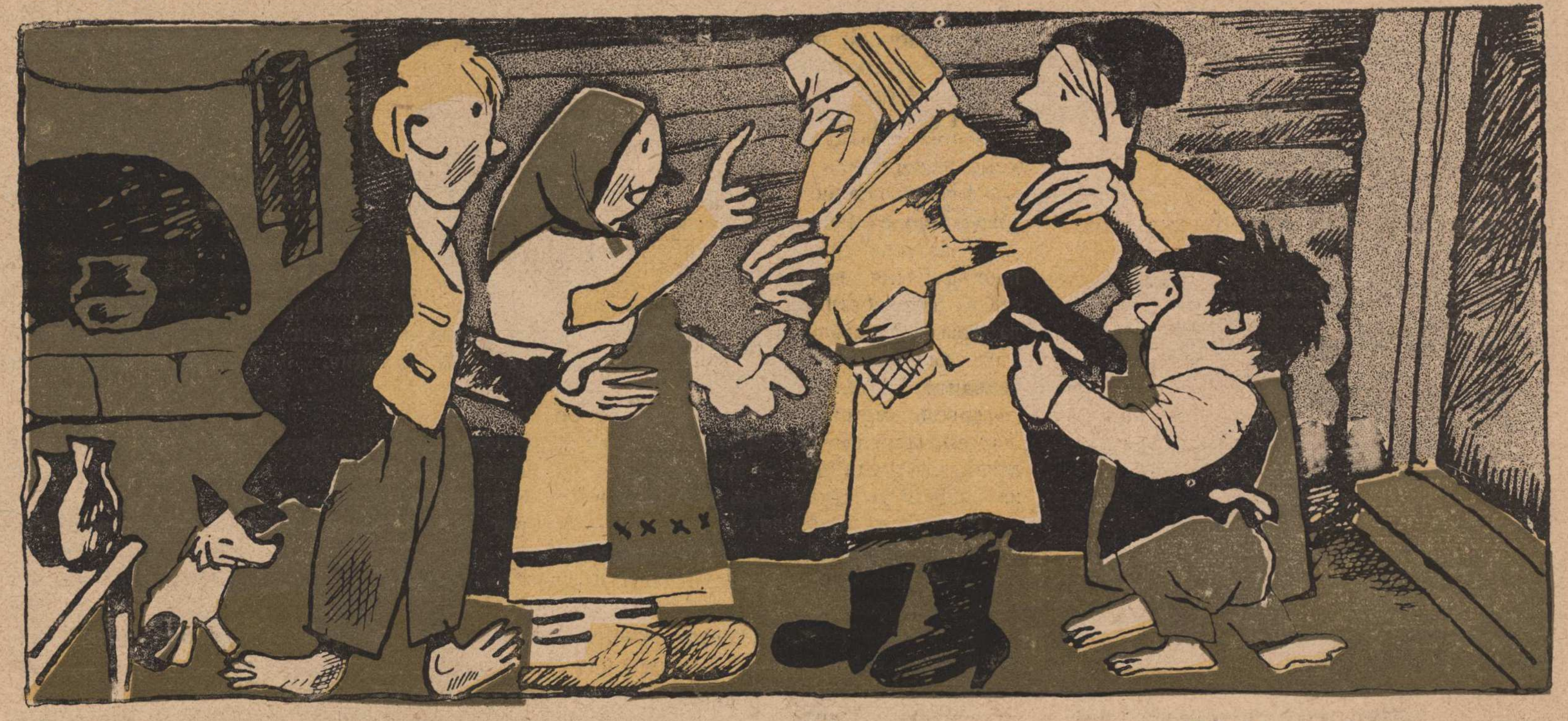
Рис. Б. Антоновского

— Таперича, Марья Семенна, так будем рассуждать: возьму я твово мальченку в обучение, а профсоюз скажет — эксплоатация несовершеннолетнего елемента... Пусть уж лучше он до возраста собак гоняет. Так-то, матушка, спокойнее!

НАВСТРЕЧУ ДЕРЕВНЕ

Рис. А. Радакова

Гум организовывает посылку в деревни повозки-лавки...

— А еще, Митрич, когда будешь в городу, платок для Марьи купи: покраснее, чтобы. Да кастрюль — парочку. Да дядя Анкудин просил ему супонь новую приглядеть. Да...

— Митрич! Распрягай лошадь! Ехать не надоть! Магазин к избе подали!

КОДЕКС

Три мужика стояли перед членом ВИК'а.

— Мы к тебе, Парфеныч. Как ты у нас теперича за старшого заместо приседателя, должон ты нам в точку разъяснить.

— Насчет чего таково?

— А насчет наделов, которые сход порешил. Как-же так, Парфеныч? Выходит это. Савель Коптяев, поросячий след ему в рот, окрутил нас. Вить он, кулацкая морда, совецкий кодикс против нас повернул.

Парфеныч почесал живот.

— Касательно кодиксов надо вам иттить безо всяких к Науму, как он сиклитарь у нас. Он это вам во как втолкует.

Мужики потоптались на месте, поправили шапки и пошли к канцелярии.

Во дворе под навесом секретарь шил сапоги

— Здорово, Наум. Мы к тебе...

Наум отложил сапог в сторонку.

— Насчет каково дела?

Мужики присели на краешек.

— Насчет кодиксу мы. Савель Коптяев, поросячий след ему в рот, окрутил нас на сходе. Ведь он какого туману напустил? Беднякам, дескать, которые однолошадные, положена самая что ни на есть удобственная земля, потому упределить им самую ближнюю землю, как они однолошадные, им это удобственно. А на дальней земле, мол, пущай многолошадный кулак орудует. Спервоначалу нам невдомек, тут загалдели правильно, правильно, так и порешили. А как начали давать наделы, нахлобучили нам суглинок, ближний который, а Савель Коптяеву, кулацкой морде, самая ярь земля пришлася, дальняя. Как-же так? Рассуди ты по совецким кодиксам!

Секретарь долго сопел носом, взъерошивая волосы, и наконец объявил:

— Беспременно надо бумагу в город писать насчет этой земотдельской юридристики. Очень это, братцы, висячий в воздухе вопрос из внутренней политики.

Вечером секретарь составил отношение:

— „По случаю срочных недоразумениев с наделами при паучьей хитрости кулацких илиментов которые нахлобучили суглинок захватив ярь просим срочно разиснить по всем декретам удобственность тоись ближний суглинок либо дальняя ярь".

Ответ пришел в конце лета.

К. Мазовский

ЗВАНИЕ

— Ваше социальное положение?

— Бывший дефективный ребенок.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СВАДЬБЫ

(Частушка)

Приехали венчаться
На дюжине телег;
К попу не достучаться...
Эк,
Ну и человек!
Успел, знать, накачаться...
Эк,
Ну и человек!!.

Час на паперти сидели,
Грызли семячко;
На поповский дом глядели...
Вот так времечко...
Домахались до беды,
Растудыть твою туды...

Полегоньку-помаленьку,
От велика до мала,
Почитай всю деревеньку
Тропка к церкви привела.
„Ой, баушка,
Забавушка“!
„Их, ха-ха, ха-ха, ха-ха,—
Обвенчали жениха“...

„Ну, папаша,
Воля ваша,
Дальше ждать нам не к лицу“!—
Резким тоном,
Возбужденным,
Заявляет сын отцу:
„Час прождали;
Не пора-ли
В исполком итти к венцу“?

Гудит бабняк:
„Ох, батюшки!
Савецкай брак...
Ох, матушки“...
А поп—Антроп
Все—хлоп, да хлоп..

Подле паперти полянка—
Мышь дороги не пробьет!
Голосистая тальянка
Заливается—воёт.
Поет—воёт
Что есть силушки,
Плясунам дает
Легки крылушки!
На молодке из совхоза—
С алой лентою венок;
И сама-то будто роза—
Пышет полымем от щек...
Мо-ло-душ-ка,
Ле-бе-душ-ка,
Наплюй
На кокуй:
Сла-бо-душ-ка-а-а!!

Какой-то бес
На паперть влез!
И на паперти церковной
Батюшки!..
В пляс пускается греховный,—
Матушки!!..

Бабняк к нему:
„Назад пляши!!“,
А он ему:
„О т ы д е ш и“...
Ах, кол те в лоб,—
Сам поп—Антроп!!!

Лгать в журналах не годится,
Потому—нехорошо;
Впечатленья очевидца,
А не сказка—наш стишок.

Вас. Князев

ЖИЗНЬ, КАК ТАКОВАЯ

— Выдумки надоели,—решительно сказал редактор.—Довольно выдумок! Перед вами, товарищи, подлинная, живая, многогранная, многокрасочная, трепещущая жизнь... Можете вы соответствовать?

— Могу,— сказал я.

Сел к столу и стал соответствовать.

Июньское солнце печет. Лениво ползут облака — легкие, обрывчатые — словно размякшие от нестерпимого зноя.

Станция спит. Маленькая-маленькая станция, мимо которой даже товарные поезда проходят, не останавливаясь. А как известно, для товарного поезда первое удовольствие—стоять. Надо, не надо, а попыхтеть на запасном пути, людей посмотреть да себя показать—ни один товарный поезд случая не упустит.

Маленькая станция спит. Замерла маленькая станция. Крохотная платформа ее безлюдна. Но...

И на маленькой станции живут большие люди.

Начальник участка службы пути прогуливается на платформе под руку с изящной дамой. Откуда она — это неземное создание? Не небо-ли послало ее в утешение начальнику участка—большому человеку на маленькой станции?!.

— Тяжело, знаете, одному, — говорит начуч своей даме. — Ответственность, знаете.. Ведь все эти тысячи людей...

Он широким жестом обводит пустую платформу.

— И все на вас?

— Все,—говорит начуч.—Иногда, знаете, они даже гнетут—такие полномочия. Когда ты все можешь...

— Все?—вырывается у дамы, и глазки ее блестят.—Неужели все?

Начуч делает жест. Широкий жест. В этом жесте — вся широта его полномочий.

В эту минуту отдаленный ритмический стук долетает до ушей начуча и его дамы

— Тита-тата, тита-тата, тита...

Это ползет, приближаясь, товарный поезд. Один из тех, которые здесь не останавливаются. И перед лицом всемогущества начуча у его дамы рождается дерзкая мечта.

— А поезд остановить вы можете?

Начуч не колеблется. Начуч говорит:

— Могу.

И поднимает руку. И медленно тормозя, пыхтящий паровоз, начинает...

В этом месте редактор меня перебил.

— Ерунда! — сказал он. — Во-первых, это не жизнь. Во-вторых, это неправдоподобно. В третьих...

- Неправдоподобно?—прохрипел я.

— До глупости. Герой — начальник участка. Добро бы — телеграфист пьяный! А то начальник! Как-же он такую штуку позволит?! Дальше. Вы знаете, что это такое: остановить поезд? Не знаете? Сядьте в вагон и дерните ручку тормаза Вестингауза — сразу узнаете. И это — при условии неосторожности. А намеренно, со злым умыслом, с сознанием содеянного... фью! Да вы, батенька...

— Ну, так я вам вот-что скажу,—перебил я, потеряв терпение. Описанное не только случай из жизни, а почти плагиат. Это я взял из „Гудка“. Станция, описанная здесь, называется: Паточная. Герой — ПЧ 4 Дубинский. Поезд, который он остановил, шел под № 2 — С с паровозом С — 264. Было это — 2 июня 1924 г. А вы говорите...

И больше этот редактор никогда не просил у меня рассказов из живой, подлинной, многогранной, многокрасочной трепещущей жизни.

А д'Актиль

ДЕТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Придется перед государством и перед партией поставить вопрос о практическом внимании, а не только о парадном движении в работе среди детей.

Увидев ЮП'а стройное движенье –
Под барабанный бой и звон фанфар—
—„Вот,—с ног до головы, грядущий коммунар!“—
Воскликнул зритель, в восхищеньи.
Другой же возразил:—„Увы!
Пока в движеньи только ноги“..
Друзья! не будьте неразумно строги:
От ног *рукой подать* до головы!
Лишь пояснить спешу подробностью такою:
Рукой подать, но—*опытной рукою.*

Ив. Пр.

АНГЛО-СОВЕТСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

(Диалог в пословицах)

БАНКИРЫ (с достинством)—Семь раз отрежь, а потом кредиты примерим.

РАКОВСКИЙ (про себя)—На кредиты надейся, а сам не плошай.

БАНКИРЫ (ехидно)—Царский долг платежом красен.

РАКОВСКИЙ (задумчиво)—За всеми долгами погонишься—ни одного не поймаешь

БАНКИРЫ (яростно)—Де-юре встречают—фабрики возврашают!

РАКОВСКИЙ (твердо)—Терпи банкир, концессионером будешь!

БАНКИРЫ (со вздохом)—На бедного банкира все шишки валятся...

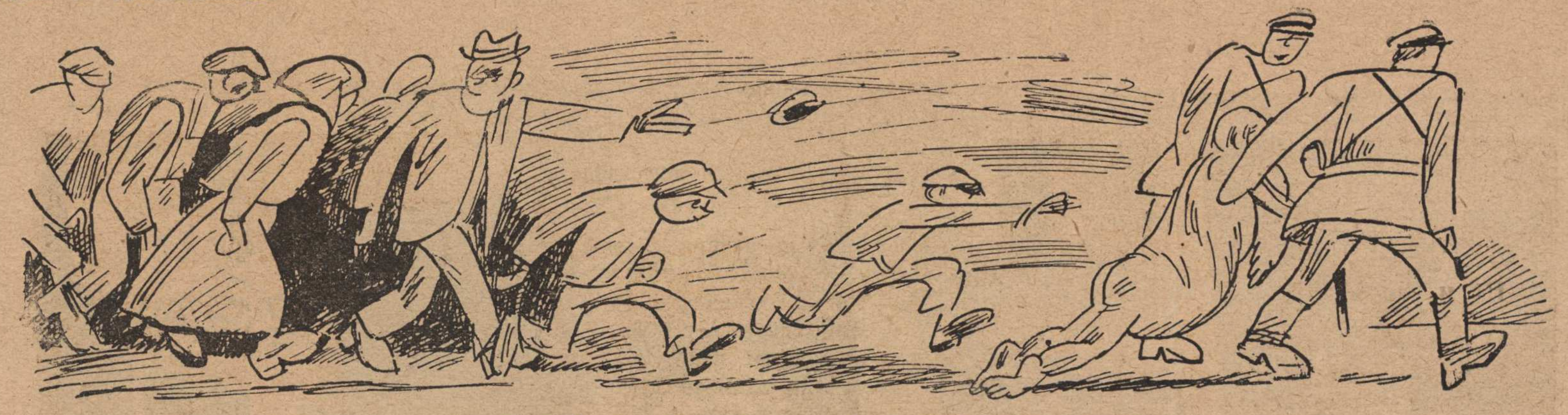
РАКОВСКИЙ (язвительно)—Москва слезам не верит.

БАНКИРЫ (в ужасе)—И бьют и плакать не дают!..

РАКОВСКИЙ (хладнокровно)—У шести банкиров—меморандум с носом!!

А. М.

Рис Б Антоновского

О НОЕ И ПРО ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ

У Ноя было три сына:
Сим, Хам, Иафет, наконец.
Вам, небойсь, ясней апельсина—
Кто у них был отец?
А по моему библия врет, как мерин.
Говорю это смело и мужчинам и дамам.
Я, знаете ли, даже и в том не уверен,
Что *второй его сын был Хамом.*
Для вас это смешно? Забавно?
Лишено даже может быть правоподобности?
А я вот узнал недавно
Весьма занимательные подробности,

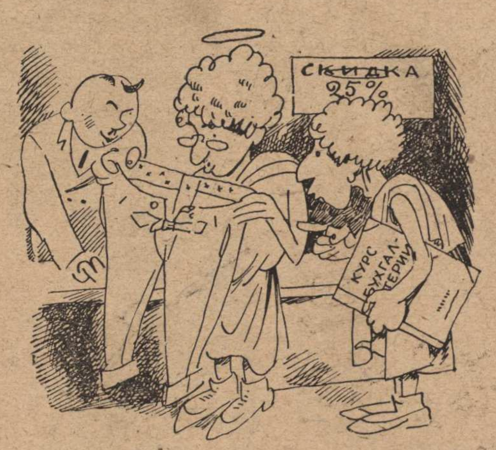
И ставлю червонец за четвертак,
Что дело происходило так:
Получив на заводе получку—
Двухнедельную или иную—
Ной задал жене своей взбучку
И с горя ушел в пивную.
Взял себе ужин. А к ужину,
Сев от людей в сторонке,
Потребовал пива дюжину
И (секретно) флакон самогонки.

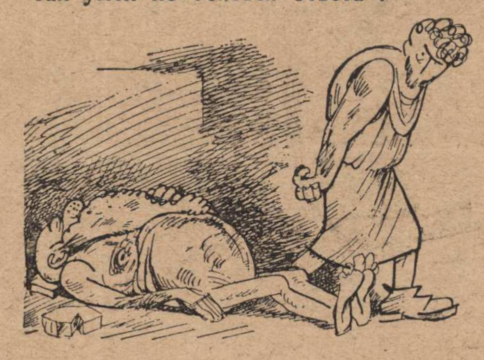
Ну, конечно, мозги потемнели,
И в ногах состояние нудное,
И, конечно, прилег на панели,
Потому—искать дом дело трудное.
Шел бандит мимо в эту же ночку,
Накажи его святые угодники,
Снял с бедняги его сорочку

И, прошу извинить, исподники.
Снял и ушел куда-то.
А трех сыновей папаша
Лежал себе в чем когда-то
Его родила мамаша.
Едва замурыжил рассвет—
Идет его сын Иафет.
Видит папашу в натуре,
Заплакал, конечно, от дури.

Немедленно вслед за сим
Появляется брат его Сим,
Почесал в затылке: Эхма!
(От великого должно быть ума).
И, как любящие сыны,
Пошли и купили в рассрочку
В Мосодежде папаше штаны,
И исподники, и сорочку.
А купивши одежду ту,
Прибежали к отцу ребятки,
Собираясь прикрыть *наготу*:
Дескать, все тогда будет в порядке.
Снисходительны были к грехам,
Потому что грешили сами.
В это время является Хам.
Поглядел, шевельнул усами:
„Да! Делишки у нас первый сорт!
Можно прямо сказать—картина!
Что получка, то старый чорт
Наглотается, ровно скотина.
Натурально—турецкий святой—
Не хватает одной лишь трубки!“
И *смеялся над его наготой*
И не давал надевать покупки.
Иафетка и Симка—в галдеж,
Хам сурово в ответ на это:
Дескать „ежели, дьявол, пьешь,
Так умей не бояться ответа“.

Так и не дал отца одеть,
И не сбавил не капли тона:
Звал народ на отца глядеть,
А потом пригласил Мильтона.
Согласитесь теперь со мной,
И тогда я смогу успокоиться,
Что отец сыновей был *не Ной*,
А скорее всего—*пропойца*,
И что склонный ко всяким грехам

Сам владелец такого названия
Дать второму сынку имя „Хам“
Не имел ни малейшего основания.

Владимир Воинов

ПО ЗДРАВОМУ СМЫСЛУ

Рис. Б. Антоновского

— Наша печать в один голос требует немедленного признания Советской России. Из этого нам придется сделать вывод...

— Да, генерал. И знаете, какой? Вывод японских войск из Сахалина.

МАССОВИКИ

Наконец-то театр стал посещаться широкими массами
(Из статьи о театре)

Рис. Н. Радлова

— Широкими массами, это верно... А вот каким способом промеж широких масс рабочему человеку приткнуться ума не приложу!..

ВНИЗ ПО МАТУШКЕ...

(Путевые стихи)

Осилив смуту и раздоры,
Казанью треснув Колчака,
Сведя в одно лучи и горы,
В далекий Каспий на просторы
Все также мчит меня река...

На тыщи верст налево, вправо
По водной Стенькиной тропе
Гуляют удаль, мощь и слава
От утлых чёлнов Ярослава
До теплохода — „РКП“!

Но кровью смывши дни лихие,
По плесам солнечной реки,
Что помнит гон татар Батыя
Стучит, кует, плывет Россия,
И фронт смыкают моряки.

Пусть жив в монастырях „угодник“—
Церквей хиреющих оплот,—
Спустив на берег новый сходни,
Поставил на работу водник
Баржу, буксир и древний плот.

Клеветниками зря оболган,
Не подкузьмит волгарь Москву,
И я горжусь, что срок недолгий
Я вниз по матушке по Волге
Под солнцем пламенным плыву!..

А. Флит

Нижний-Астрахань
4/VII-24.

НЕ ХОДКИЙ ТОВАР.

Донской отдел союза соврaботников обследовал работу паевого товарищества „Ларек“ Аппарат „Ларька“: 66 артельщиков, 13 администраторов. Процент накладных расходов чрезвычайно высок—23%. В результате „торговли“, от паевого капитала в 65 тысяч руб. осталось только 5 ты-сяч. („Труд“).

В Ростове-на-Дону, на главной улице у входа, под красной вывеской:

Паевое товарищество „Ларек“.
Донской отдел союза совработников

стояла толпа. Не то—пайщики, не то—любопытные.

И старушка остановилась:

— Милые, а чего здеся выдают?

— Где?

— А здеся? Почему такая очередь?

— Эта, бабка, администрация!

Задумалась бабка:

— Ми ни-стра-ция? Выдают в лавочке, а что тако:—неизвестно... Может, это ситный такой, или вроде мадепаламу, или лампадное масло рижское?... И очередь стоит... Стать нешто, и мне, ноги не отвалятся... Побаловаться на старости лет министрацией—может это заместо постного сахару!..

И стала. Стоит и губы облизывает: попробовать бы министрации!

Тут один, веселый такой, с усиками, спросил:

— Бабка, а ты чего дожидаешься? Шла бы своей дорогой!

— А тебе что!—окрысилась бабка.— Ишь завидливый какой! На всех хватит! Министрации-то, поди, много!

— Ха!—оскалился веселый.—Администрации, действительно—13 штук на 30 ларьков, да еще 60 артельщиков! На всех хватит. Конечно!...

А другой, угрюмый, пробурчал:

— Администрации то хватит, — еще и останется! А вот денег бы хватило!...

— О деньгах ты не тревожься, милый,— сказала бабка наставительно, — у себя в кармане считай. А у меня хватит!

Веселый засмеялся:

— У тебя, может, и хватит, а вот у товарищества—фью! 65 тысяч было, а 5 осталось... За шесть-то недель!

— Гулял, должно, шибко товарищ-то твой!—покачала головой бабка.—Прогулять и в шесть дней можно, особенно, ежели вертихвостка какая попадется...

— Зачем гулял? Торговали!

Бабка не поверила.

— Нешто, когда торгуют, денег убавляется? И-и-и!—запричитала она.— Вон у нас—Петр Карпыч: торговать задумал. Хорошо. Продал ж нину бруслетку и открыл ларек. Сам и хозяин, сам и приказчик, сам и кассир, сам и ломовой... За полгода так обернулся — жена таперича бруслетки даже в ухи продела. Ей богу! Вот оно как торгуют-то... Видал?...

Долго рассказывала бабка,—все ждала. Да так ничего и не дождалась. Вышел какой то человек и объявил:

— Граждане, которые администрация! Ликвидация делу назначена. Потому—убыток один с ларьками ..

Бабка завистливо вздохнула:

— Министрация вся, поди, вышла. Теперича ликвидацию выдавать будут... Опять зря простоишь .. Так я министрацию и не попробовала, не довелось... ну, в другой раз...

И поплелась дальше...

Э. Гард

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

„ВКЛАД В КАЗНУ“

Пермская „Звезда“ печатает любопытный документ о 14-летней торговке сахарином, принадлежащий перу и таланту Окружного Инспектора Косналогов, гражданину Наугольных.

„Препровождая составленный на Гецелевич дежурным милиционером Спиридоновым протокол, прошу гр. Гецелевич за нарушение декрета ВЦИК и СНК от 30 ноября 1922 г. об акцизе с сахарина привлечь к судебной ответственности, наложив наказание, предусмотренное ст. 139-а Уголовного Кодекса, и, кроме того, присудить взыскать к возмещению убытков казны, к уплате акциза *за 1 грамм сахарина* 3 коп. в черв. исчислении по курсу дня уплаты, а *арестованный сахарин конфисковать в пользу казны и продать с публичного торга*“.

Да здравствует Наугольных! Его геройскими усилиями казна-матушка увеличилась на один грамм!

О расходах, связанных с судопроизводством и публичным торгом, умолчим, чтобы не портить радостно-торжественного настроения.

ПЬЮТ

В 1921—22 гг. страну постигло бедствие стихийного голода. Ели дерево. Людей ели.

Миновало.

Нынче можно подумать, что нас постигло новое несчастие—стихийная жажда.

„Звезда“ (№ 141) сообщает, напр., что в д. Орча, Червенского уезда в день престольного праздника крестьяне (1000 чел.) пропили 525 пудов хлеба.

„Раб. Край“ (№ 134) лаконически сообщает:

„Крестьяне дер. Гайдарово, Кинешемского уезда пропили мирского быка“.

Африканская жажда, прости господи!

СТИХИЙНАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

Рис. И. М

— Глядь, Петров—сливочное масло подешевело...
— Ну, значит, на керосин накидка будет!

С ВЫСОТЫ ПИРАМИД

Мы боремся с пьянством. В этом лишний раз убеждает нас газета „Трудовой Дон“:

ЕПО, взявшее в свои руки торговлю пивом и открывшее закусочные, сделало очень много для искоренения того пьянства, которое происходило и происходит в пивных.

Вхожу в одну из закусочных. Чистый пол, на столах стоят цветы. Слышатся тихие и разумные беседы трезвых посетителей, не заглушаемые, как в пивных, завыванием скрипки и гармонии.

Не видно на столах батарей пустых бутылок. Тишина и порядок.

Умилительно хорошо!

Вообще атмосфера не располагает посетителей к пьянству. Наоборот посетителю хочется чего-то другого, требующего работы мысли. Чтобы удовлетворить это желание, необходимо на столы класть свежие газеты, брошюры, журналы, чтобы рабочие, отдыхая, могли следить за всем происходящим как внутри, так и вне СССР. Да и темы для разговоров будут интересные и полезные.

Затем надо убрать имеющиеся в некоторых закусочных гипсовые изваяния т. Ленина, стоящие на стойках рядом с пирамидами бутылок.

Что-то странное! На столах „не видно батарей пустых бутылок“, а на стойках—целые *пирамиды* полных бутылок, стиль которых нарушается соседством изваяния т. Ленина... Не перепутана-ли последняя фраза? Не следует-ли читать её так:

Затем надо убрать имеющиеся в некоторых закусочных пирамиды бутылок, стоящие рядом с гипсовыми изваяниями т. Ленина.

КОНЕЦ ГАЛИФЭ

Что—слава? Слава — дым!..

Был генерал Галифэ. Все его знали: носил штаны с крылышками и расстрелял комунну 71 г.

Пятьдесят лет славы... Шутка-ли?

И вот каюк.

И откуда? Из Красноярска: свет с востока. Да еще и с севера.

Один читатель газеты „Красноярский Рабочий“ возмутился: зачем „увековечено имя палача парижской коммуны“, да еще как,—предметом довольно широкого потребления,—штанами; да еще где—в социалистической стране!..

„Не пора ли,—спрашивает он в № 119,—переименовать штаны“?

Напор внезапно нахлынувшего возмущения так сильно повлиял на уважаемого гражданина, что спокойно думать он не может.

„Как назвать, пусть придумают другие“.

И так как вопрос серьезный, вопрос важный, то нашлись и такие, которые „придумали“.

В том же № „Кр. Р.“ некий „дядя Миша“ придумал переименовать брюки галифэ в „аэроштаны“.

Оно правильно. Опять же и „Добролету“ лестно. „Трудовой народ—строй воздушный флот“.

А палачу—каюк.

Что—слава? Слава — дым.

АЙ!

Пролетарская Мысль „сообщает, что в Златоусте открылся новый

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПИВОВАРЕННЫЙ ЗАВОД „АЙ“

Хорошее название завода. Смехачу очень нравится. Смехач, вдохновившись придумал еще четыре названия для государственных заводов: Ой, Эх, Бр и Фу...

Рекомендуем. Очень хорошия названия. И не без ехидства.

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

В отделе „Вести с рельс“ в Красной газете“ (№ 149) читаем:

Стоит на ст. Заневский Пост, Окт. жел. дор., ящичек. Красивый ящичек, и надпись на нем: *„Аптечка“*.

Отрезало 6 июня кондуктору Спиридонову два пальца. Бросились к ящичку-аптечке. Открыли ее, а в ней только одна... *пыль*.

Насчет пальцев администрация верно не расчитывала: больше касательно глаз надеялась, что бы из этакого красивого ящика можно было пыль пускать.

РАЗГОВОРЫ

1. Летчик

...Я, братишка, конечно, испугался ужасно. Остолбенел прямо. А тут еще аппарат накренился на бок и, гляжу, падает. Ну, думаю, погиб я... Ухватился рукой за раму и как сигану вниз...

Гляжу: лечу, мать честная. Эх, думаю, хорошо это с парашютом падать... А так то без парашюта боязно, думаю... Лечу это я вниз и чуть не плачу—и себя то жалко и аппарата жалко—потому, думаю, вдребезги разобьется... Вдруг хрясь об землю—упал. Ну, думаю, богородице дево радуйся, без ноги, думаю...

— Ну, а аэроплан что? Вдребезги?

— Какой аэроплан?

— Ну, аппарат что ли... С аппарата же падал?

— Зачем с аппарата. С этажа. Аппарат в кухне с полки свалился... Как, значит, милиция в квартиру вперлась, мы очень даже испугались. Начали самогонный аппарат на полку прятать... А он шмяк с полки. Шум, конечно, треск.. А мы с перепугу к окну... И ринулись вниз... Пол ноги недочет...

2. Часы

...Ну, а он, конечно, побледнел сильно. Хлоп-с, хлоп-с себя по карманам — нету у него часов. А часишки то дрянь — кастрюльного золота... Хотя с цепочкой. И брелочки разные: яичко там, подковка какая-нибудь, ключик...

Ну, конечно, он закричал: караул! Часов нету-ти..

Ему говорят:

— Вы может их дома оставили?

А он говорит:

— Нету, — говорит. — Я, говорит, как в трамвай влезал, так еще посмотрел на часы. Опоздать боялся.

Ну, начали искать по штанам и по карманам — нету.

— Ну и что же? Вор то, небось, спрыгнул с трамвая? Не нашли!

— Ну и что же... Нашли, конечно... Разрезали больного опять. А хирург, конечно, обрадовался: вон, говорит, они, мол, любезные.. И действительно: глядим — тутотка часы. У слепой кишечки приткнулись и лежат себе... А цепочка так по желудку пущена...

3. Двугривенный

...Гляжу, стоит нищий, слепенький... Сунул я ему в руку двугривенный и пошел. А нищий, гадюка, хвать меня за руку.

— Ты что, — говорит, — сукин-кот... Какие деньги суешь-то? Думаешь, если я слепой, так ничего и не вижу?

И ляп мне этот самый двугривенный между глаз.

Ну, думаю, заметил, черт слепой.

— Да, уж знаете... Нынче от царской монеты нищий, и тот нос воротит...

— Как царский? Не царский. Советский доугривенный. Своей работы.., Мы пробу производили. На ощупь заметно ли...

4. Поп

...Я посмотрел. Вижу поп стоит.

Стой, думаю, стой, бродяга! Стой поповское отродье. Счас я тебя припаяю...

Размахнулся я да р-раз по попу...

Ну, ребята тут закричали:

— Молодец, Ванька! Правильно бьет!

— Ну, а поп что? За что же вы его так?

— Ну, а поп, конечно, упал за черту. И за городом лежит... Партию мы и выиграли... Я в рюхи важно играю...

Мих. Зощенко

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

(и без адреса)

Под заголовком „Песня без слов“, газета „Крокодил“ останавливает внимание читателя на одном вопиющем произволе администрации.

Не угодноли! —

> В почтово-телеграфной конторе администрация распорядилась закрыть на ключ мужскую уборную телеграфа. Чтобы сходить в уборную, нужно доложить о том администрации.

Этакая глупая администрация!

Немудрено, что на следующий же день, по выходе газеты в свет, „Крокодилу“ стали звонить по телефону.

— Будьте добры указать место факта..

— А я же указал: в почтово-телеграфной конторе.

— Но в какой, именно?

— Почтово-теле-граф-ной!!!

— Да, ведь, контор-то телеграфных много!

„Крокодил“ почесал кончиком хвоста затылок и сказал:

— Разве?

— Разумеется! В одной Москве сколько угодно...

„Крокодил“ засунул кончик хвоста в рот, пожевал и выплюнул. Горько улыбнулся.

— Товарищ! — сказал он с ласковым сожалением: — Мы не говорим о *всех* конторах, мы говорим о той, уборнаяк оторой *закрыта на ключ*. Кажется, ясно...

— Но как же найти эту уборную, закрытую на ключ?— приставали к „Крокодилу“.

Из глаз его закапали слезы — да, да! слезы искреннего сочувствия...

— Да, господи же! — воскликнул „Крокодил“: — ничего нет легче! Попробуйте попасть в нее, *без доклада администрации...* Это она и будет.

— Да администрацию-то где найти?!!

„Крокодил“, как будто нечаянно, проглотил телефонную трубку.

— Allo! Allo?!! Allo??! — завопил он и потом добавил с грустью:

— Этакая беда! Как на зло, телефон испортился..

ИЛИ — ИЛИ...

Рис. Б. А.

> Губконференция союза кожевников решила если где работают муж и жена, одного из них снять После этого резко увеличилось число разводов. *(„Труд“).*

— И как мне промежду вас выбира-а-ать? И ставка по восьмому разряду дорога моей душеньке-е-е, и тебя, милдружка, из сердца мово не вырва-а-ать!?

ЖЕРТВЫ СПОРТА

В „Рабочей Газете“ и в „Огоньке“ были помещены сообщения о велосипедной гонке Москва—Севастополь.

По „Огоньку“ расстояние Москва – Севастополь—1814 верст, а по „Рабочей Газете“—1508 верст.

Разница в 306 верст это, повидимому, расстояние от одной из редакций до... ближайшей географической карты СССР

НОВОЕ О ПАДЕРЕВСКОМ

„Красная газета“ (Ленинград, повествуя насчет балерины Кшесинской, пишет:

> „Польский темперамент не сказался даже за последние годы, и она не уподобилась *скрипачу* Падеревскому.

Падеревский—талантливый пианист; Падеревский — бездарный политик. И, если он даже играл *первую скрипку* в польском правительстве, смеем уверить „Красную Газету“, что это совсем не тот инструмент, на котором играют скрипачи.

ЕЩЕ ОБ ИТАЛИИ

Рис А. Радакова

Министерство внутренних дел за работой.

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

Заведующий Брыкин и помощник Грачев сидят в канцелярии кооператива „Радость рабочего". Перед ними свежий номер газеты.

— На тебе!.. Прохватили! Разделали под орех! Смотри ты: „*С раннего утра пиво продавать—не значит умело торговать*". А? И в картинку вставили!

— Картинка не очень, чтобы очень.· Обличье не сходственно... Нешто у вас, Николай Никандрыч, имеется в лице такая шевелюра?

— Что шевелюра? Не в ей соль. Видишь, вывеска полностью наша и в тексте фамильи... Как теперь быть с пивом?

— Может, Николай Никандрыч, на уступку пойти? Например, они пишут, что с восьми часов пивом начинаем торговать... Оно, конешно,—рассудив принципиально,—раненько, Николай Никандрыч... Для пива настоящая жажда к полдню подходит... Можно и вывеску сделать: „Для удобства потребителей продажа пива с 12 часов"... До 12 ночи—аккурат 12-тичасовой пивной день.

— Гм! 12-тичасовой... — соображает Брыкин. — Опять черти напишут — многовато. По кодексу восемь, а у нас двенадцать... Эксплоатация пьющих...

— В таком разе, установим отпуск пива до восьми вечера...

— Здравствуйте! А с восьми как же быть потр бителю?

— В запас завсегда может взять. С восьми и будем на запасном...

— Так! А коли запас выйдет, тогда как? Помощник Грачев моргает глазами.

— Оказия, ей-богу!.. Исходя из этого, придется начинать отпуск с четырех часов и до двенадцати... Аккурат казенные восемь и будут... Не придерешься!..

— Не придерешься!? А почему, скажут, в самое окончание заводской работы пиво трудящемуся подсовываете? Ему домой ехать, а он за пивом в очередь становится...

— Ах, ты, горе наше!.. С восьми—рано, с двенадцати— рано, с четырех—неудобно. Когда же для пива подходящее время?

— Когда? Гм!..

Мучительно задумываются, уставившись на ящики с опорожненными бутылками.

Когда же, в самом деле?!

У Эдгара По есть баллада, каждая строка которой заканчивается:

— Каркнул ворон: „*никогда*"!

Но знают-ли представители ЕПО Эдгара По? А если знают,—захотят ли послушать ворона?

Едва-ли...

Что им, еповцам, ворон?

Ив. Пр.

ВИКАРИИ В „НОВО-БАВАРИИ“

Рис. В. Козлинского

В Москву переехал заведывать пивной в Замоскворечье один из вновь поставленных епископов, викарий одной из центральных губерний, Сергий. („*Кр. Газета*“).

— Ишь ты, сподобился как: теперь и прихожане у него будут, и благорастворение воздухов и плодов земных изобилие!..

КЛИЧ „СМЕХАЧА“

(Подписная песня)

Анданте модерате, с вариациями. А также можно и на гитаре.

2
Утешенье для народа
И краса земли —
Он вам стоит на полгода
Только 2 рубли!
Раз, два, три, четыре...

3
Он в вас юный пыл пробудит.
Ах! из-под седин
На 3 месяца он будет
Стоить рупь один!
Раз, два, три, четыре...

4
Он вам нервы успокоит,
Словно волшебство:
35 копеек стоит
В месяц он всего!
Раз, два, три, четыре...

5
Коль „Смехач“ тебе приманка,
Дело не беда:
Жарь письмо:—Москва, Солянка,
Во Дворец Труда!
Раз, два, три, четыре...

6
И его, без разговора,
В самый краткий срок
Вышлет Главная Контора
Органа „Гудок“.
Раз, два, три, четыре...

ОТЕСАННЫЙ НЕОТЕСА.

Начальник станции Орел, Юго-Восточной жел дор. Кряквин вымогал у весовщика Пелюгина взятку. Агент ГПУ записал номера червонцев, которые были затем даны, как взятка, Кряквину, Кряквин попался. *(Из „Гудка").*

Стрелочник Махалкин долго мял в руках шапку и топтался у двери в кабинете начальника станции.

Когда посетители вышли, Махалкин кашлянул в руку и сделал два маленьких шага к столу.

— В чем дело? – буркнул начальник станции, не отрываясь от книги пассажирских тарифов.

Махалкин замялся.

— Я к вам насчет того, стало быть как с подарками-то к празднику... брать будете?..

— Сумеешь дать, так возьму, а не сумеешь... дурак будешь...

— То-ись, как это сумеешь?.. Как обыкновенно, чать, не в первый раз: зарежу свинку, требушину, стало быть, себе, а тушку, как летось, значит, вам.

— Больно ты прост... А ГПУ увидит— взятка скажет, да обоих нас под замок, за решетку... С вами как ведь... с неотесами...

Стрелочник подавлен.

— Как же быть то, Григорий Митрофанович? И головы не приложу.

— То-то, не приложу.. Все учить надо... Сделаешь ты вот что... Зарежешь не одного поросенка, а двух... Понял?.. Одного, стало быть, мне, а другого — в общую продажу. Потом позовешь агента ГПУ, кассира моего, еще кого там — и будешь продавать... Я тебе при всех и деньги заплачу... Только денег ты мне наперед дай сам, потому что своих у меня нет— с женой на базар все до гроша посылаю.

Махалкин поднял глаза к потолку и зашевелил губами:

— Стало быть, сколько же это вам за моего поросенка причтется? Фунтов 30 в нем будет—не мене... Ежели по гривеннику—тридцать гривенников,—три рубля, да еще по гривеннику—три, да после по пятаку...

Стрелочник вытер шапкой пот со лба и вздохнул сочувственно:

— Червонцем, Григорий Митрофанович, вам не обернуться... Рублей 15 на плохой конец надо...

ГАЗЕТА В ДЕРЕВНЕ

Рис. Ив. Малютина

— Скажи на милость, кум... Обо всем пропечатано доподлинно, а об Ванюхе моем ни пол-слова: то-ись, как он там, в городу, — поступил на место, ай нет?

Неделю спустя, во дворе Махалкина идет торг—покупают свинину.

Тут и начальник станции с кассиром, и ГПУ с женой, и просто любопытствующие.

Покупают—платят.

Начальник берет целого поросенка, Махалкин смотрит к нему в ладонь - вот мол, платить будет.

А начальник загреб тушу, да за ворота.

— Честь имею, мол, будьте счастливы.

Догнал Махалкин начальника у самой его квартиры.

— А про деньги-то позабыли, Григорий Митрофанович!

— Какие деньги?

— Да я-то вам дал, пятнадцать рублей-то..

— Ишь ты, брат, хитрец какой. Хе-хе-хе... Может ты их ГПУ сперва показал, а потом мне отдал... А номерочки-то у ГПУ в книжечке. Отдам я их тебе, а вы меня тюк—да за решетку... Нет, брат, дураков нет. Денежки твои давно на базаре, гуляют, а у кого—и сам чорт теперь не сыщет... Ты радуйся, что дешево укупился... Мясо-то на рынке по шести гривен, а ты со мной всего по 45 коп. расчелся. Дешовка тебе... Еще бы по пятиалтынному с тебя получить, да уж бог с тобой. Свечку поставь святому Григорию Двоеслову за мое здравие. Ну проваливай — видишь все крыльцо истоптал.. Чай его к празднику мыли крыльцо то..

И. Овчинников

Издатель: „ГУДОК" Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинградский гублит № 10384. Типо-Литография „Красный Печатник" Ленинград. Международный, 75. Тираж 50.000 экз.

ДНИ НАШЕГО ЛЕСА

Много хождения, митинги, музыка. Но в результате — кое-как и кое-где посадили и тут же забыли о посаженном. В следующий „день леса“ там же придется опять садить, так как от посаженного и следов не останется. *(Из газет).*

Рис. Н. Радлова

— Товарищи! — умиленно говорит оратор. — Через 15—20 лет здесь, на этой Плешивой горке, будет такая же денистая, приятная для отдыха роща, как и та соседняя, из которой мы пересадили молодняк. Растите же, юные побеги! Поднимайтесь, раскидывайте ветви на радость трудящихся! Да здравствует лес!

И начали посаженные кусты *подниматься* и *раскидываться* на Плешивой горке.

Через год снова был „День леса“. Торчала пустая Плешивая горка, с рощицей по соседству, а на горке:

— Товарищи! — умиленно говорил оратор. — Через 15—20 лет...—и т. д.—Да здравствует...—и тому подобное.

Через 50 лет был снова очередной „День леса“. И все торчало по-прежнему. Только рощицы по соседству не было. А горки были—одна Плешивая, а другая—Лысая. А на горках—и той и другой—гордо высился лес... плакатов.